

Вятский Лафонтен, или Затерянная страница истории русской басни

Алексей Аркадьевич Пауткин, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва), apautkin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170004466-1

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается басенное творчество малоизвестного провинциального стихотворца второй половины XVIII в. Г. С. Шутова. Сочинения вятского протоиерея, окончившего местную духовную семинарию и преподававшего там несколько лет «Пиитику», сохранились в рукописном сборнике начала XIX в. Некоторые из них были опубликованы только в 1897 г. краеведом А. С. Верещагиным. Развивая традицию поэтических переводов басен Эзопа, сложившуюся в России, Шутов одновременно решал учебно-методические задачи. Его тексты были созданы на полвека раньше одноименных басен И. А. Крылова. Они хронологически сопоставимы с произведениями выдающихся представителей русского классицизма В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова.

Однако по своей поэтической манере и языку они оказались новаторскими для своего времени. Басням Шутова свойственен лаконизм и разговорная непринужденность слога. Среди доступных ныне текстов, принадлежащих вятскому поэту, особое место занимает басня «Кот в пиве». В ней повествуется о спасенном мышами коте, который легко отказался от своих обещаний, данных в критический момент. Подобный сюжет не обнаруживается у других авторов. Поэтому данное произведение следует признать оригинальным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: басня, притча, Г. С. Шутов, Вятка, Хлыновская семинария, классицизм, Эзоп, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, И. А. Крылов

для цитирования: Пауткин А. А. Вятский Лафонтен, или Затерянная страница истории русской басни // Русская речь. 2019. № 2. С. 49–57. DOI: 10.31857/S013161170004466-1.

The Language of Fiction

Vyatka La Fontaine, or the Lost Page of Russian Fables History

Alexei A. Pautkin, Moscow State University (Russia, Moscow), apautkin@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses the fables of a little-known provincial poet of the second half of the XVIII century G. S. Shutov. Works of Vyatka Archpriest, who graduated from the local theological Seminary and taught there “Poetics” for several years, were saved in the manuscript of the early nineteenth century. Some of them were published only in 1897 by the local historian A. S. Vereshchagin. Developing the tradition of the poetic translations of the Aesop fables, popular in Russia, Shutov was simultaneously solving educational and methodical tasks. His texts were created half a century before the fables of the same title by I. A. Krylov. They could be chronologically comparable with the works of outstanding representatives of Russian classicism V. K. Trediakovskiy and A. P. Sumarokov. However, in the poetic manner and language, they became innovative for that time. The fables by Shutov are characterized by laconism and conversational ease. Among the currently available texts belonging to the Vyatka poet, the fable “Cat in beer” has a special place. The story is about a cat, rescued by mice, who had easily forgotten his promises made at that critical moment. This plot has not been found in the works of other authors. Therefore, this fable should be considered as original.

KEYWORDS: fable, parable, G. S. Shutov, Vyatka, Hlynov Seminary, classicism, Aesop, V. K. Trediakovskii, A. P. Sumarokov, I. A. Krylov

FOR CITATION: Pautkin A. A. Vyatka La Fontaine, or the Lost Page of Russian Fables History. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 49–57. DOI: 10.31857/S013161170004466-1.

Басню, столь популярную в XVIII в., обычно соотносят с именами поэтов первого ряда, прославившихся произведениями различных жанров и «подготавливавших» с историко-литературной точки зрения творческие достижения И. А. Крылова. И конечно, становление в России новой басни связывают с именем А. П. Сумарокова. Однако этот «низкий жанр», демократичный по своей сути, с его краткостью, аллегоричностью и шутливостью, не только был доступен широкому кругу читателей, но и представлял собой в XVIII в. существенный элемент гуманитарной педагогики. Поэтому более или менее успешные опыты в басенном жанре (в основном в переводах Эзопа, известного на Руси с XVII столетия) не были редкостью. Подчас подобные сочинения выходили за рамки учебно-дилетантских упражнений.

Ярким тому подтверждением является литературная деятельность Гавриила Софрониевича Шутова (1743–1807). Он был выпускником Вятской духовной семинарии, которую окончил в 1765 г. (до 1780 г. город Вятка назывался Хлынов, и, соответственно, семинария именовалась Хлыновской), а затем несколько лет преподавал там «Пиитику». Из стен этой же семинарии вышел несколько позже известный поэт и переводчик Е. И. Костров. С конца 80-х гг. XVIII в. Шутов служил в храмах города Слободского близ Вятки, был протоиереем Преображенского собора. Басни он начал писать еще в юном возрасте, будучи семинаристом.

Первая публикация ряда текстов, принадлежащих Шутову, была осуществлена энтузиастом — краеведом А. С. Верещагиным в конце XIX в. в издании «Вятские стихотворцы XVIII века» [Верещагин 1897: 33–41]. Это одно из проявлений насыщенной культурной жизни в российских губерниях и провинциальных городах. Во второй половине XX века внимание к фигуре Шутова вновь привлекла Н. П. Изергина. В ее книге «Писатели в Вятке» [Изергина 1979: 13–16] поэту уделено всего три страницы. Исследовательница обратилась к рукописным сборникам из собрания библиотеки имени А. И. Герцена г. Кирова. Там обнаружили не только басни, но и оды, а также переводы из Овидия и Горация. Изергина назвала несколько басен, главным образом переведенных с латыни, некоторые из которых имеют общий источник с крыловскими.

В 2015 г. А. С. Силина в сборнике «XVIII век» опубликовала статью «Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века» [Силина 2015: 45–65], где был подробно описан сборник № 100 Кировской библиотеки (конволют, переплетенный в 1804 г.) и второй рукописный сборник, хранящийся в библиотеке Академии наук, переписанный той же рукой. Применительно к интересующему нас жанру Силина употребляет понятие «школьная басня» или «семинарская басня».

Шутов на четверть века старше Крылова. Он человек другого поколения, ровесник Г. Р. Державина. Протоиерей умер в 1807 г., то есть в год, с которым соотносят крыловскую «Ворону и Лисицу». Этот классический сюжет многократно привлекал внимание русских поэтов XVIII в. В череде переводов басни свое скромное место занимает и шутовский текст «Ворон и Лисица». Вот его первые строки:

Укравши Ворон сыр, на древо с ним взлетел.
Немного отдохнув, покушать захотел.
Лисица по пути пришла под то же древо,
Желая сыром тем свое насытить чрево. [Верещагин 1897: 39]

Появившись на полвека раньше крыловского шедевра, шутовская басня должна занять по хронологии место где-то между притчами В. К. Третьяковского (1752) и А. П. Сумарокова (1762–1763). Или по крайней мере близко к произведениям последнего. Для сравнения приведем вступительные строки переводных притч, принадлежащих перу этих корифеев русского классицизма. Вот как представлена завязка «басенки VIII» — «Ворон и Лисица» — у Третьяковского:

Негде Ворону унестъ сыра часть случилось;
На дерево с тем взлететь, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того, домочься бы, вздумала такую лесть... [Третьяковский 1752: 193]

А так выглядит вступление к притче Сумарокова:

Ворона сыром овладела,
Ворона добычью воронья ремесла,
Кусочек сыру унесла,
И на дубу сидела,
Во рту его держав,
Ни крошечки еще его не поклевав.
Лисица скалит зубы
И разевает губы,
Со умилением взираючи на сыр,
И говорит... [Сумароков 1781: 100]

Как видим, шутовскому стилю свойственен определенный лаконизм. В его басне заметен отход от многословно-книжной манеры изложения. Использование нейтральной лексики создает эффект разговорной непринужденности слога, достаточно редкой и удивительной для середины XVIII столетия. Общую картину не меняет даже использование славянизмов — «древо», «чрево». Возможно, так сказывалось влияние практиче-

ских задач, подразумевавших создание текстов точных по смыслу и при этом доступных и легких для запоминания, что было необходимо при обучении священников владению словом.

Уже первые строки рассматриваемой стихотворной притчи дают повод для небольшого культурологического комментария. Коснемся гастрономической составляющей этого столь популярного басенного сюжета. С раннего детства на иллюстрациях к басне Крылова мы видим в клюве незадачливой птицы сегмент сырной головки, то есть продукт в современном виде. В исходном варианте Эзопа речь идет не о сыре — Ворону достается мясо. Средиземноморское кушанье появляется у Федра (I в. н. э.). У Лафонтена же это не просто сыр, а сыр с запахом. Французский лис привлечен сырным ароматом. Но что знали о нем русские люди XVIII столетия? У наших авторов говорится просто о сыре. Басня Шутова не является в этом смысле исключением. У него отсутствует крыловский гастрономический акцент («Вдруг сырный дух Лису остановил... Лисицу сыр пленил»). Широко известно, что Крылов был гурманом, и, конечно же, он знал толк в заграничных сырах. Заметим: и в начале XIX в. сыры в России — редкое и изысканное лакомство, например «сыр лимбургский живой» (А. С. Пушкин). Что же говорить о провинции середины XVIII в.! Промышленное производство французских и голландских сыров в России начнет только в 70-е гг. XIX в. Н. В. Верещагин, брат известного художника-баталиста. Но в 1807 г. Г. Р. Державин, воспевая прелести сельского бытия в стихотворном послании «Евгению. Жизнь Званская», рисует сыр белого цвета:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно — желт пирог, сыр белый, раки красны... [Державин 1865: 638]

Это творог, деревенское кушанье. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля первое значение слова «сыр» — творог. И хотя в древнерусском «Домострое» сыр и творог как хозяйственные припасы различаются, на Руси это кисломолочный продукт из творога или сырный творог, а вовсе не какой-нибудь пармезан. Так что отечественные авторы следуют не за Эзопом, а скорее за Лафонтеном. Русской птице удастся добыть совсем не народное яство.

Самый устрашающий вариант этого гастрономического мотива встречается у Г. Э. Лессинга. Садовник подбрасывает отравленное мясо кошкам соседа. Ворона, не успевшая им полакомиться, добровольно отдает кусок коварной лисице, отчего та издыхает. По сравнению с германской Лисой наши удачливые плутовки ничем не рискуют.

«Ворон» и «Ворона» имеют различные смысловые коннотации, ведь обмануть Ворону несложно. У Крылова птице свойственна задумчивость. Она «вещунья». Два вида врановых не различаются. Да и в происхожде-

нии добычи нет ничего предосудительного: «где-то Бог послал». В русских вариантах Ворона впервые появляется у Сумарокова. У Шутова еще, как и в древности, действует Ворон. Он, подобно Ворону Третьяковского, склонен к воровству. То есть в басне сошлись воришка и мошенница.

Как известно, социальный статус басенных птиц различен. У Лафонтена это дворянин — «месье де Курбе», «благородный Ворон», «сударь», а не крыловская «голубушка» или «сестрица». У Шутова Лисица обращается к Ворону, подчеркивая исключительность его появления у них в лесу, и в то же время уже запанибрата:

Не видано таких, как ты, здесь птиц в лесу:
Твое все перье блеск пресветлый испускает. [Верещагин 1897: 39]

Поэтому в устах шутовской Лисицы уже неуместно сравнение обольщаемого с фениксом (Лафонтен) или «Зевсовой птицей» — орлом (В. К. Третьяковский).

Анализируя крыловскую басню «Крестьянин и Смерть» (1809), Р. С. Кимягарова, составитель «Словаря языка басен И. А. Крылова» [Кимягарова 2006], отмечает распространенность данного сюжета в русской поэтической традиции. Он восходит к Эзопу. Исследовательница сопоставляет с басней Крылова тексты Третьяковского, Сумарокова, Державина, Хвостова и замечает: «При переводе на русский язык одни переводчики придерживались эзоповской традиции, другие — традиции Лафонтена» [Кимягарова 2017: 71], значительно изменившего античный образец. К числу русских басен на эту тему следует отнести и опыт Шутова. Его «Старик и Смерть» — достаточно точное воспроизведение эзоповского образца. Конечно, этот перевод лишен каких бы то ни было конкретных примет времени или местного колорита, присутствующих в басне Крылова. Ведь у последнего речь идет о русском крестьянине, обитавшем «в лачужке дымной», обремененном не только годами и валежником, но и «подушным», «барщиной», «оброком». У Шутова просто явлен некий абстрактный старец, опрометчиво понадеявшийся на свои силы. Однако нельзя вновь не обратить внимание на удивительную простоту, пластичность языка и естественность построения диалога персонажей. Вот начало басни:

Старик, насеки дров довольно,
Оставить не хотел в лесу,
Надеялся на силу больно,
«Быть может, — думал, — я снесу».
Когда ж его лишил путь силы,
Ударил о землю дрова,
Стал свет ему и дни немилы,

Промолвил в горести слова:
— Доколе плечи мне так терти
И быть в работе завсегда?» [Верещагин 1897: 37]

Судя по всему, Шутов писал свои басни еще при жизни М. В. Ломоносова, в самом начале екатерининского правления. Как преподаватель семинарии, он должен был знать некоторые теоретические труды литераторов-классицистов. Так, Ломоносов в своей «Риторике» в разделе «О расположении» писал в том числе о басенной композиции. У него, как это было тогда принято, речь идет о притче, представляющей собой «краткий вымысел, соединенный со нравоучением, которое из оного следует. Примеры довольно видеть можно в Езопе» [Ломоносов 1952: 222]. По определению Ломоносова, притча имеет две части: «повествование» и «приложение, в котором кратко нравоучение содержится». Расположение этих компонентов может быть различным. Допустимым, полагал Ломоносов, бывает и соединение «прилагания... с самим повествованием». Такой вариант построения и наблюдается в баснях Шутова. В них нет морали как самостоятельной, выделенной части. Автор делает первый шаг от нравоучения к занимательному анекдоту, забавной истории, имеющей иносказательный подтекст.

Как известно, в баснях Крылова виртуозно используется разностопный ямб. Считается, что Сумарков в своих притчах первым обратился к этому перспективному стихотворному размеру. До него басня, и оригинальная, и переводная, ассоциировались обычно с шестистопным ямбом. По нескольким доступным произведениям Шутова видно: вятский стихотворец, несмотря на легкость звучания его басен, еще не использует разностопный ямб, оставаясь в рамках поэтической традиции середины XVIII в., правда, встречается у него и четырехстопный ямб.

Еще одна басня, приписываемая Шутову, называется «Кот в пиве». Среди множества аллегорических сюжетов подобный не обнаруживается. Нет его у Эзопа и Лафонтена. Нет аналогичной басни и у Крылова. Д. И. Фонвизин в начале 60-х гг. XVIII в. перевел собрание басен датчанина Л. Хольберга. Можно было бы предположить, что Шутов позаимствовал что-то из Хольберга. Но такого сюжета нет и в этой книге. Словом, с известной долей осторожности можно предположить: «Кот в пиве» — оригинальное, а не переводное сочинение. Нечто отдаленно напоминающее по смыслу встречается у Эзопа в басне о Лисе и Козле, оказавшихся в одном колодце.

Вот зачин «Кота в пиве»:

Лукавый кот, на чан вскочивший торопливо,
Вдруг с краю сорвался, упал в парное пиво,
Где жалостно ревел, себе на помощь звал,
— «Погибл я, — повторял, — погибл я, в чан упал!»

Услыша мыши рев, чрезмерно испужались,
На рев со всех сторон со страху все сбежались.
Увидели они, что в пиве тонет Кот
И, булькая, ревет, разинув страшно рот. [Верещагин 1897: 38]

Традиционно при оценке произведений басенного жанра, относящихся к различным эпохам, отмечается постепенное ослабление дидактизма и усиление развлекательности. Справедливо подчеркивается иное, чем в XVIII в., соотношение этих двух начал в крыловских баснях, сообщающее им занимательную легкость. И хотя по нескольким басням Шутова трудно сделать однозначный вывод, думается, вятский протоиерей-баснописец стремился не только поучать. Морализаторство в его текстах выражено слабее, нежели у его гораздо более известных современников. В подаче сюжетов, хорошо известных тогдашнему читателю, тем более читателю образованному, приобщившемуся к древним языкам в семинарских стенах, Шутов находил новые изобразительные возможности, живые интонации. Скромный провинциальный поэт духовного звания, сам того не подозревая, опередил свое время.

Сколько литературно одаренных любителей стихотворства осталось в полной безвестности! Имя Г. С. Шутова сохранилось, его творчество известно краеведам. Вятский пиит справедливо удостоился маленькой статьи в «Словаре русских писателей XVIII в.». В свое время А. Ф. Мерзляков, профессор, декан отделения словесных наук Московского университета, выстроил эмоциональную линию развития русской басни докрыловского периода. Д. И. Хвостов в письме к дерптскому профессору В. М. Перевозчикову вольно перефразировал эту мысль, придав ей некоторую анекдотичность и продлив «цепочку» преемственности: «... Сумароков нашел басню в поле, Хемницер привел ее в город, Дмитриев ввел ее во дворец, Крылов вывел на площадь, а Измайлов повел ее в кабак». Что сделал с басней Шутов? Наверное, он скромно привел басню в учебный класс, способствуя развитию литературного вкуса и навыков красноречия в среде провинциального духовенства второй половины XVIII в.

Литература

- Верещагин А. С.* Вятские стихотворцы XVIII века. Вятка: Губернская типография, 1897. 93 с.
- Державин Г. Р.* Сочинения. Том второй. СПб.: Издательство императорской Академии наук, 1865. 736 с.
- Изергина Н. П.* Писатели в Вятке. Киров: Волго-вятское книжное издательство. Кировское отделение, 1979. 192 с.

- Кимягарова Р. С. Словарь языка басен Крылова / И. А. Крылов. Избранные басни. М.: «Оникс», «Мир и образование», «Русские словари», 2006. 928 с.
- Кимягарова Р. С. Мой Крылов. М.: МАКС Пресс, 2017. 136 с.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т.VII. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 997 с.
- Силина А. С. Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. № 28 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова М.–СПб.: Альянс – Архео, 2015. С. 45–65.
- Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Часть VII. М.: Университетская типография, изд. Н. Новикова. 1781. 377 с.
- Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы. Том первый. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук. 1752. 234 с.

References

- Derzhavin G. R. *Sochineniia* [Works]. Volume two. Sankt Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1865. 736 p.
- Izergina N. P. *Pisateli v Vyatke* [Writers in Vyatka]. Kirov, Volgo-Vyatka Publ., 1979. 192 p.
- Kimyagarova R. S. *Slovar' yazyka basen I. A. Krylova / I. A. Krylov. Izbrannye basni* [Dictionary of the language of the fables of Krylov / I. A. Krylov. Selected fables]. Moscow, Onyx Publ., Mir i obrazovanie Publ., Russkie slovary Publ., 2006. 928 p.
- Kimyagarova R. S. *Moj Krylov* [My Krylov]. Moscow, MAX Press, 2017. 136 p.
- Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii. T. VII* [Complete works. Vol. VII]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 997 p.
- Silina A. S. [Poetic experiments of Vyatka seminarians of the middle of the XVIII century]. XVIII vek, 2015. No. 28. Moscow–Sankt Petersburg, Alliance-Archeo Publ., pp. 45–65. (In Russ.)
- Sumarokov A. P. *Polnoje sobranie vseh sochinenii v stihah i proze. Chast VII* [Complete collection of all the works in verse and prose, part VII]. Moscow, University printing house, ed. by N. Novikov. 1781. 377 p.
- Trediakovskiy V. K. *Sochineniya i perevody. Tom pervyi* [Works and translations. Vol. 1]. Sankt Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 1752. 234 p.
- Vereshchagin A. S. *Vyatskie poety XVIII veka* [Vyatka poets of the XVIII century]. Vyatka, Provincial printing house, 1897. 93 p.